

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

(ОТДЕЛЬНЫЙ ОТТИСК)

МОСКВА

МИГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

ДИАСПОРИЧЕСКИЕ И ИММИГРАНТСКИЕ СООБЩЕСТВА

© 2009 г. К. Зайка

Одной из важных особенностей нашей эпохи является прогрессирующее изменение расового (этнического) состава населения мира. Европейская раса быстро уступает место другим расам или этническим группам. Если в 1960 г. европейцы составляли 25% населения земного шара, то в 2050 г., по подсчетам специалистов, этот показатель сократится до 10%. Данное явление представляется вполне естественным вследствие более высокой рождаемости в странах Азии и Африки, а также внутри иммигрантских общностей в Европе и Северной Америке.

Настоящая статья посвящена анализу феноменов диаспоры и иммигрантских сообществ.

Еще не так давно культурная идентичность и политическая лояльность людей связывалась исключительно с их принадлежностью к определенному государственному образованию с конкретными территориальными границами. Диаспорические сообщества, представители которых вынужденно покидали страну или регион происхождения, интерпретировались именно в категориях методологического национализма. В современном глобализирующемся мире в условиях беспрецедентного роста иммиграционных потоков и расширения коммуникационных возможностей активно формируется множество иммигрантских и транскультурных сообществ идентичностей, которых с легкой руки популярных СМИ стали называть диаспорами. Произошла смысловая инфляция самого термина «диаспора». В статье делается попытка провести разграничение между диаспорическими и иммигрантскими сообществами. Автор пытается ответить на вопрос, что представляют собой современные диаспоры; способны ли диаспоры, в первую очередь мусульманские, органично влиться в состав коренного европейского населения; каковы возможные последствия эволюции части иммигрантов-мусульман в странах Запада в сторону образования диаспор.

ЧТО ТАКОЕ ДИАСПОРА?

Термин «диаспора» произошел от греческого слова *speiro* (сеять, распространять) и предлога *dia* (по ту сторону, через). В греческой традиции слово «диаспора» использовалось, во-первых, для обозначения опыта изгнания древних иудеев и, во-вторых, в период античности и средневековья – для описания греческой колонизации Малой Азии и Средиземноморья. Это понятие обозначало торговую экспансию и имело вполне положительный смысл. В XIX в., когда в Европе оформилась система национальных государств, произошло сращение понятий «нация», «государство», «культура» и «территория». Поскольку один из основополагающих постулатов теории национализма предполагает обязательное совмещение политической системы, территории и культуры, понятие «диаспора», в котором такое совмещение отсутствует, приобрело отрицательный смысл. Выражение «внутренний враг», используемое для обозначения диаспорических сообществ, впервые вошло в политическую лексику во Франции в XIX в. применительно к проживавшим в стране католикам и иудеям. Их лояльность французскому государству ставилась под сомнение, поскольку эти группы населения подчинялись негосударственным институтам – папству и авторитету раввинов соответственно.

Аналогичное, политическое, понимание термина «диаспора» имело место и в середине XX в. В 50-е годы, во время создания и укрепления коммунистического Китая и эскалации конфликтов в Юго-Восточной Азии (в Индонезии и Малайзии), возникло представление о китайской диаспоре в этом регионе. Термин «пятая колонна» стал применяться в отношении китайских общин, представители которых не выражали лояльность государству проживания, а развивали отношения с Китаем в целях его экономической поддержки.

В духовном плане понятие диаспоры как рассеяния иудеев, шедшее, как уже говорилось, из античной традиции, обусловило отождествление диаспорического опыта с переживанием целым

народом коллективной травмы. Различные этнокультурные и конфессиональные группы, которые пережили вынужденное переселение из страны (региона) происхождения и воспринимали себя как жертвы изгнания, использовали для выражения своего тяжелого коллективного опыта категорию “диаспора”. Например, армяне применяли выражение “диаспорическое переживание”¹ для характеристики периода рубежа XIX–XX вв., когда подавление их национально-освободительного движения Османской империей вызвало массовую эмиграцию. В качестве примеров травматических исторических событий, приведших к образованию “виктимизированных” (от слова *victim*, жертва) диаспорических сообществ, обычно называют массовый вывоз рабов из Африки в XVII–XVIII вв., голод в Ирландии в начале XX в., геноцид евреев во время Второй мировой войны². Опыт вынужденного переселения и переживание исторической травмы определили специфику коллективной памяти и массового сознания тех или иных диаспорических сообществ.

На этом традиционном понимании термина “диаспора”, принятом до 60-х годов XX в., было основано четкое разграничение диаспор как этнокультурных общин, с одной стороны, и иммигрантских сообществ, сложившихся в ходе расширения трудовых миграционных потоков – с другой. С ростом этих потоков данное различие стало стираться, особенно в странах Северной Америки. Причиной стало изменение отношений между меньшинствами и “культурным большинством” в принимающих обществах. Главными трансформационными факторами явились следующие события: перемены в иммиграционной политике США и Канады (1965 и 1967 гг. соответственно), которые привели к устранению барьеров для иммиграции в эти страны выходцев из неевропейских государств; принятие Закона о мультикультурализме в Канаде (1971 г.) и аналогичного законодательного акта в Австралии (1977 г.); протестные движения среди американских индейцев, протесты в афро-американских гетто; популяризация термина “афро-американская (или черная) диаспора” (“*black diaspora*”).

В 70-е годы под диаспорой стали понимать сообщества иммигрантского происхождения, которые поддерживали устойчивые контакты с исторической родиной³. Это толкование получи-

ло академическое признание. Однако оно носит скорее идеологический, чем социологический характер. Ведь ввиду технологических новшеств в сфере коммуникации (в первую очередь речь идет, конечно, об Интернете) поддержание постоянных контактов со страной происхождения не требует особых усилий.

Следует отметить, что в 1979 г. в понимание феномена диаспоры была внесена определенная системность. В ходе тематической конференции, проведенной в вашингтонском университете Ховарда, специалисты сошлись во мнении, что понятие “диаспора” следует относить к тем этническим сообществам, которые пережили опыт коллективной травмы и отправились в изгнание добровольно.

В 80-е годы термину “диаспора” было придано новое значение: диаспорами отныне именовались любые сообщества иммигрантов, вне зависимости от причин и условий миграции. Исследователи подчеркивали важность возникновения в принимающей стране **диаспорических институтов**, объединяющих локальные сообщества, сформированные из иммигрантов “различного типа”. Возможности для интенсификации транснациональных взаимоотношений и развития диаспорических институтов обеспечивались бурным ростом телекоммуникационных технологий и изобретением Интернета в 90-х годах.

В это же время многие этнические меньшинства стали использовать термин “диаспора” для определения своего коллективного существования. Значимость данного явления в общественной жизни принимающих стран породила большой интерес к его изучению. С 1991 г. издательство Оксфордского университета выпускает специализированный академический журнал “Диаспора” под редакцией американского литературоведа армянского происхождения Х. Тололяна. Авторы журнала к 1998 г. выделили 34 диаспорических сообщества. Однако в связи с тем, что к “диаспорам” стали относить едва ли не все иммигрантские сообщества, логичным показалось обозначить население британских колоний в Новой Зеландии, Австралии и Канаде как часть “британской диаспоры”, но уже не “виктимизированного”, а “имперского” характера (поскольку данные территории входили в Британскую империю). Абсурдность последнего тезиса вынуждает ученых

¹ См.: *Cohen R.* Diaspora / *International Encyclopedia of the Social and Behavioral Sciences*. N.Y., 2001. P. 3642.

² См.: *Ibid.* P. 3643.

³ См.: *Connor Walker.* The Impact of Homelands upon Diasporas / *Modern Diasporas in International Politics*. Ed. by G. Sheffer

N.Y., 1986; *Esman M.J.* Diasporas and International Relations / *Modern Diasporas in International Politics*. Ed. by G. Sheffer N.Y., 1986.

далеко не всякое транснациональное сообщество является диаспорическим. Различие между диаспорой и, например, таким транснациональным сообществом, как трудовые мигранты, определяется их разными целями и как следствие – разными видами общности внутри сообщества. Трудовые мигранты борются за доступ к социально-экономическим благам. Можно поэтому предположить, что для них характерна не столько культурная, сколько классовая общность. Диаспору же целесообразно рассматривать в качестве агента социально-политического влияния в среде иммигрантов. *Диаспорические институты и отношения не отражают унаследованное от предков культурное наследие; они являются выражением политической реакции на изменяющуюся социальную действительность.*

Оформление диаспорического сообщества связано с созданием в принимающем обществе **диаспорических институтов** и проявлениями политической мобилизованности. Эти институты выражают и воспроизводят диаспорические идентичности посредством создания условий для коллективной сплоченности и поддержания связей с реальной или воображаемой родиной. Значение данных институтов состоит и в том, что они предоставляют возможности агрегировать коллективные интересы путем формирования сети организационных структур и транснациональных связей. Развитие диаспорических институтов обусловливается налаживанием/возобновлением контактов со страной происхождения и реакцией на внешнеполитические решения в стране проживания.

Сегодня практика образования, установления и организации диаспор обретает популярность в качестве модели политической мобилизации. Это результат, в частности, сознательных усилий со стороны политиков, особенно тех, к которым пристало весьма странное название “брокеры этничности”, своего рода лоббистов, нацеленных на использование изменившихся социальных условий для формирования, активизации и политизации диаспорических идентичностей¹⁰. Деятельность подобных политиков распространяется и на тех, кто совсем недавно переселился в новую страну проживания, и на таких иммигрантов, кто не считает свое сообщество диаспорой. Эта деятельность способна оказывать существенное влияние на формирование диаспорической идентичности.

Среди других факторов, играющих заметную роль в процессе, если можно так выразиться, “ди-

аспоризации”, назовем представления о стране происхождения, а также поколенческие и гендерные конфликты. Первый из этих факторов представляется весьма существенным. Отношение к родине может одновременно принимать различные формы: физическое возвращение на родину (предков); эмоциональная привязанность, выражаемая в создании произведений искусства; реинтерпретация культуры страны происхождения в новых социально-культурных условиях¹¹.

Однако формирование диаспорической идентичности, как уже говорилось – не выражение “культурной ностальгии”, а реакция на социально-культурные условия принимающей страны и на ее внешнюю политику (особенно в отношении исторической родины). Данному обстоятельству следует уделять особое внимание при исследовании диаспор и диаспорического сознания.

Диаспорическая идентичность отличается заметной спецификой. Поскольку диаспоры представляют собой детерриториализированные организационные структуры и транснациональные сети взаимодействия, то идентичность членов диаспоры и их потомков способна нести в себе потенциал конфликта лояльностей (к исторической родине и к принимающей стране).

ИММИГРАНТЫ-МУСУЛЬМАНЕ И ИХ КУЛЬТУРНЫЕ ИДЕНТИЧНОСТИ

В структуре современных потоков иммигрантов и беженцев выходцы из стран ислама составляют постоянно увеличивающуюся долю. В Европе насчитывается 15 млн мусульман, и ислам становится “второй религией” Старого Света¹².

Образуют ли выходцы из Пакистана, Афганистана и Ирана, расселившиеся в странах Запада, диаспорические сообщества или это всего лишь группы с иной, чем у принимающей страны, субкультурой? Попытаемся ответить на этот вопрос на примере Канады и Великобритании.

Проживающие там представители исламских стран в основном являются трудовыми мигрантами¹³. Но приехавшие из Ирана, Афганистана и

¹¹ См.: Curtin Philip D. Cross-Cultural Trade in World History. Cambridge, 1984. P. 205.

¹² См.: Haideh Moghissi. Introduction / Gender, Culture and Identity. Routledge. Ed. by Haideh Moghissi. L., N.Y., 2006. P. XIV.

¹³ Выходцы из Пакистана (в основном в Великобритании) представляют собой наиболее проблемную группу иммигрантов и подвержены влиянию радикального ислама, несмотря на улучшение экономического и социального положения.

¹⁰ См.: Adamson Fiona B., Demetriou Madelene. Remapping the Boundaries of State and National Identity: Incorporating Diasporas into IR Theorizing // European Journal of International Relations. 2007. V. 13(4). P. 497.

В силу неприятия обществом в принимающей стране, сложности интеграции в него зачастую происходит акцентуализация исламской идентичности: в диаспорическом контексте развиваются социальные связи, основывающиеся в первую очередь на религиозной, а не специфической культурной общности. В качестве примера приведем сообщество беженцев-мусульман из эфиопского города Харар, которые сформировали диаспорическую общину в Торонто. В стране происхождения они идентифицировали себя в первую очередь на основании принадлежности к локальному (этнокультурному) сообществу, а в Канаде опираются на свою религиозную (исламскую) идентичность¹⁵.

Важнейшую роль в формировании диаспорической идентичности выходцев из исламских стран играет иммиграционная политика принимающей страны и классификационная номенклатура, являющаяся основанием для распределения ресурсов при проведении политики мультикультурализма. Так, при проведении переписи населения в Канаде респонденты дифференцируются по признаку национального происхождения¹⁶. В результате иммигранты различного этнического происхождения относятся к гомогенным сообществам, определяемым на основании гражданства страны происхождения. (В частности, сикхов относят к выходцам из Индии, несмотря на их однозначное неприятие данной классификации и их желание получить признание в качестве отдельной этнокультурной группы). Канадское государство игнорирует то обстоятельство, что для многих просителей политического убежища и беженцев из зон военных конфликтов и гражданских войн именно *несогласие идентифицировать себя с официальным государством*, из которого они бегут, является причиной вынужденной иммиграции и базой для образования новой, "исламской" коллективной идентичности. Для многих беженцев и вынужденных переселенцев официальные статистические данные, классифицируемые по признаку бывшей национальной принадлежности, являются напоминанием о коллективных травмах и преследованиях. В таких условиях именно общность религии становится основанием социального взаимодействия. Исламская диаспорическая публичная сфера (создание диаспорических институтов – общественных организаций, землячеств, культурных центров и т.д.) создается при осознании принадлежности к транскультурной исламской традиции.

Акцентирование транскультурной исламской идентичности¹⁷ позволяет выходцам из "исламских культур" развивать социальные связи в широком диаспорическом контексте. Они абстрагируются от культурных особенностей исламских практик, характерных для локальных этнокультурных сообществ страны их происхождения. Подобные трансформации в среде иммигрантов-мусульман не означают, что ислам есть гомогенная культурная сущность. Ислам становится средством взаимодействия между членами диаспоры/иммигрантского сообщества, между диаспорами и страной (регионом) происхождения. Отказ от ряда региональных и локальных культурных практик, особенно в условиях вынужденной иммиграции, часто влечет за собой *выдвижение на передний план исламской сунны* в структуре коллективной идентичности иммигрантов-мусульман. Тот факт, что выходцев из Харара называют в статистических документах Канады эфиопами, расходится с их коллективными представлениями о себе как о локальной этнокультурной группе. Таким образом, для выходцев из Харара упор на исламскую идентичность является средством формирования четкого маркера коллективной идентичности в условиях адаптации к мультикультурному обществу Канады.

Среди "британских мусульман" наблюдается тенденция воспроизводства культурных практик страны происхождения. В качестве примера можно упомянуть о насильственной выдаче замуж. С другой стороны, часть иммигрантов-мусульман идентифицируется с существующей в их представлении исламской уммой или с традиционалистскими течениями исламской идеологии¹⁸. В условиях роста антиисламских настроений британские мусульмане начинают идентифицировать себя с воображаемым транскультурным исламским сообществом, конструируя и популяризируя мифы об этом сообществе. Это явление называется "фикционализацией массового сознания". В иммигрантской среде *фикционализация памяти* порождает явление, названное Б. Андерсоном "дистанционным национализмом". Он способен привести к радикализации культурных идентичностей¹⁹, к расширению идеологической и финансовой поддержки мусульманами Запада радикальных исламистских группировок в странах происхождения.

¹⁷ Осознание принадлежности к традиции, основанной на своде догм ислама.

¹⁸ См.: Gender, Culture and Identity. P. 16.

¹⁹ См.: Anderson B. Exodus // Critical Inquiry. 1994. № 20.

¹⁵ См.: Ibidem. P. 252.

¹⁶ См.: Ibidem. P. 255.